
WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY
TOM XVIII (2021), №2
s. 97-123
doi: 10.36121/swiech.18.2021.2.097

Станислав Вех
(Университет Яна Кохановского в Кельцах)
ORCID 0000-0001-7057-2870

Западный край («захваченные земли») во внутренней политике Российской империи

Резюме: Захват Россией 82% земель бывшей Речи Посполитой привел к выработке новой модели управления западными рубежами (Западным краем). Поскольку „захваченные земли” с точки зрения структуры собственности, национальной, религиозной, языковой и исторической традиций отличались от российского государственного организма, поэтому во внутренней политике главной целью было разрушение существующих структур и общественного порядка, а также установление российского культурно-политического господства. Этим целей предполагалось достичь на фронте борьбы за землю, души и национальность коренного населения. Ответственными за программу и реализацию внутренней политики на западных рубежах империи были центральные органы власти (император, министерства, Комитет министров), представители местной администрации (виленские и киевские генерал-губернаторы, попечители научных округов) и специально созданные для этой цели учреждения, в том числе так называемые Западные комитеты, сыгравшие наибольшую роль в разработке системных и долгосрочных политических решений.

Ключевые слова: История России XIX века, Российская Империя, Западный край, захваченные земли, внутренняя политика.

Kraj Zachodni („Ziemie Zabrane”) w polityce wewnętrznej Cesarstwa Rosyjskiego

Streszczenie: Zajęcie przez Rosję 82% ziem byłej I Rzeczypospolitej skutkowało wypracowaniem nowego modelu zarządzania zachodnimi rubieżami (Krajem Zachodnim). Ponieważ Ziemie Zabrane pod względem struktury własności, narodowościowej, wyznaniowej, językowej oraz tradycji historycznych od rosyjskiego organizmu państwowego, dlatego też w polityce wewnętrznej głównym celem było zburzenie istniejących struktur i ładu społecznego oraz ustanowienie rosyjskiej dominacji kulturowo-politycznej. Te cele zamierzano osiągnąć na froncie walki o ziemię, dusze i narodowość rdzennej ludności. Odpowiedzialnymi za program i realizację polityki wewnętrznej na zachodnich rubieżach

Цесарства były władze centralne (władca Rosji, ministerstwa, Komitet Ministrów), przedstawiciele lokalnej administracji (wileńscy i kijowscy generałowie-gubernatorzy, kuratorzy okręgów naukowych) oraz specjalnie powołane do tego celu instytucje, w tym szczególnie tzw. Komitety zachodnie, które odegrały największą rolę w wypracowaniu systemowych i długofalowych rozwiązań politycznych.

Słowa kluczowe: historia Rosji XIX w., Imperium Rosyjskie, Kraj Zachodni, Ziemia Zabrane, polityka wewnętrzna

The Western Country ("Taken Lands") in the internal politics of the Russian Empire

Annotation: The occupation of 82% of the lands of the former Polish-Lithuanian Commonwealth by Russia resulted in the development of a new management model for the western frontiers (the Western Country). Since the Taken Territories were different from the Russian state organism in terms of their ownership structure, nationality, religion, language and historical traditions, the main goal in domestic politics was to destroy the existing structures and social order, and to establish Russian cultural and political domination. These goals were to be achieved at the frontline of the struggle for the land, souls and nationality of the indigenous peoples. The central authorities (the ruler of Russia, ministries, the Committee of Ministers), representatives of local administration (Vilnius and Kiev generals-governors, curators of scientific districts) and institutions specially appointed for this purpose, especially the so-called Western committees that played the greatest role in working out systemic and long-term political solutions.

Keywords: history of Russia in the 19th century, Russian Empire, Western Country, "Taken Territories", internal politics

Российская империя была крупнейшим бенефициаром совершенного в конце XVIII века, в три этапа (1772, 1793, 1795), раздела Польши (I Речи Посполитой). После Венского конгресса (1815) г. в границах России оказалось 82 % территории бывшей Речи Посполитой, то есть ок. 585 000 км². Эти земли составляли в то время неполные 3,5% всей территории империи. С площади 585 000 км² на образованное в 1815 году Польское Царство приходилось 128,5 тыс. км², а остальная часть составляла так называемые „захваченные земли“ („Ziemia Zabrane“ - терминология принята польской историографией), которые официально назывались западными губерниями (9 губерний) или Западным краем. Для России новые территориальные приобретения означали решительное смещение геополитического центра государства на ок. 1000 км на запад. Этот сдвиг сделал Россию более сильной и влиятельной для политических преобразований не только в Центральной, но и в Западной Европе. Для поддержания завоеванного на международной арене положения Россия должна была подтвердить свое господство над польскими землями и стремиться интегрировать их в российский государственный организм.

Территориальные приобретения вынудили Россию выработать новую модель управления западными рубежами¹. Необходимость изменения внутренней политики была обусловлена тем, что Царство Польское и „захваченные земли“ раз-

¹ См.: Н. Моścicki, *Ziemia litewsko-ruskie pod zaborem rosyjskim*, Kraków 1924; P. Wandycz, *The Lands of Partitioned Poland. 1795–1918*, Seattle, London 1984, *passim*; *Западные окраины Российской империи*, ред. М. Долбилов, А. Миллер, Москва 2007, с. 63–80, 123–176, 207–300.

рушали внутренний строй Российской империи. Западные рубежи с точки зрения структуры собственности, демографической, национальной, конфессиональной и языковой структуры, с точки зрения правового, социального строя и исторических традиций не примыкали к русской модели и к русскому государственному организму. Вскоре выяснилось, что земли бывшей Речи Посполитой, хотя и составляли всего 3,5 % всей территории империи, не только разрушали российскую модель государства, но и угрожали его существованию. Такую угрозу российские власти видели со стороны культурно-национального обособления и стремления к независимости поляков, которые привели к началу двух национальных восстаний. В обоих повстанческих движениях (Ноябрьское восстание 1830–1831 и Январское восстание 1863–1864) появился постулат об отделении от России Царства Польского и „захваченных земель“. Сила польских политических устремлений к независимости лежала в том, что в начале XIX века в Российской империи почти половина представителей так называемой „интеллигенции“, была католического вероисповедания и польского происхождения. В Царстве Польском и в западных губерниях католическая церковь, „латинская культура“ и «польский язык» преобладали среди правящего класса (дворян, интеллигенции, чиновников). Кроме того, в „захваченных землях“ ок. 95 % крупной земельной собственности принадлежала полякам, а по всей империи, по официальным данным, еще в 1858 году на общую цифру 612 тыс. дворянских семей, 378 тыс., то есть ок. 62 % от общего числа, имели польскую родословную и жили в Западном крае².

Существующие структурно-социальные конфликты и противоречия удалось поначалу, но лишь на короткий срок, разрядить. Для Царства Польского таким катализатором стала в 1815 г. конституция. Однако конституционный строй Царства Польского, входившего в состав империи, подчеркивал существование в самодержавном государстве внутреннего конфликта. Россия, будучи абсолютной монархией, экспериментировала на своих западных рубежах, создавая систему управления, подрывающую идею самодержавия. В этой ситуации неизбежно было нарастание напряжения, закончившееся взрывом. Это произошло в 1830 г. когда вспыхнуло польское восстание (Ноябрьское восстание, польско-русская война 1831 г.). С подавлением Ноябрьского восстания была отнята у Царства Польского конституция и введена система политических репрессий, что ознаменовало завершение эксперимента конституционного строя.

В отличие от Царства Польского в западных губерниях не была введена даже ограниченная автономия. Ибо утверждалось, что Западный край из-за большого процента православных украинцев и белорусов культурно близок России. Тем не менее здесь сохранились некоторые основы общественно-политического и образовательного уклада времен I Речи Посполитой. Таковыми считаются, среди прочего, Литовский статут, польское образование, включая Виленский университет, Кременецкий лицей, иезуитские колледжи, католические приходские школы и предоставление для части польской шляхты привилегий, указанных в принятой 21 апреля 1785 года Екатериной II „Жалованной грамоте дворянству“³.

² S. Wiech, *Królestwo i ziemie zabrane 1831–1855*, w: *Historie Polski w XIX wieku*, red. A. Nowak, t. 2, *Historie polityczne*, cz. 1, Warszawa 2013, s. 165.

³ См.: *Российское законодательство X–XX вв.*, т. 5, *Законодательство периода расцвета абсолютизма*,

Определенные надежды на увеличение автономии в Западном крае появились с дарованием Царству Польскому конституции. Тогда царь Александр I и давал полякам робкие обещания об устройстве на аналогичных условиях „захваченных земель“, которые должны были в будущем быть соединены с Царством Польским. Эти заявления так и не вошли в стадию реализации, хотя созданный в 1817 году Литовский отдельный корпус, укрепил среди поляков такие ожидания.

Прорывом для установления нового направления во внутренней политике стало Ноябрьское восстание. Восстание охватило западные губернии, что было доказательством существования крепких связей Царства Польского с „захваченными землями“. После 1831 года можно говорить о разработке долгосрочной, всеобъемлющей и растянувшейся на годы программы интеграции Западного края с Российской империей. Тем не менее следует констатировать, что уже в 1772–1831 годах были намечены первые, действующие и в последующие десятилетия цели, которые должны были служить объединению западных губерний. Здесь отметить следует осуществлявшуюся в эпоху царствования Екатерины II акцию по обращению униатов в православие⁴. Применяемые к униатской церкви репрессии и поддерживаемая государством конверсия ок. 150 тыс. униатов в православии способствовали изменениям в конфессиональной структуре литовско-белорусских губерний. Польский и католический потенциал был не менее важен, чем ревизия государственных привилегий польской шляхты. Целью ревизии было уменьшение численности польской шляхты и деградация той социальной группы, которая отличалась высоким сознанием национальной принадлежности.

Очередная разработка программы внутренней политики в отношении Западного края пришлась на начало 60-х годов XIX в⁵. После поражения Январского восстания можно говорить о форсированной русификации западных губерний, которую на короткий период приостановила вспышка революции 1905–1907 гг. Наблюдаемые в это время полная русификация образования и администрации, подбор чиновничьих кадров и землевладельцев по критерию национального и религиозного происхождения, акции вынужденных выселений и переселений⁶, предоставление российским землевладельцам, чиновникам, православному духовенству, поселенцам особых привилегий, льгот и добавок – это элементы внутренней политики, напоминающие миссию колонизации и меры, применяемые империями по отношению к заморским колониям.

ред. Е.И. Индова. Москва 1987, с. 23–53; В.А. Томсинов, *Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства: её истоки, содержание и значение, Законодательство императрицы Екатерины II. 1783–1796 годы*, сост. В.А. Томсинов, Москва 2011, с. XI–XL.

⁴ См. М. Radwan, *Carat wobec Kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim 1796–1839*, Lublin 2004; Г. Шавельский, *Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.)*, Санкт-Петербург 1910.

⁵ См.: А.А. Комзолова, *Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ*, Москва 2005; С.М. Самбук, *Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в.*, Минск 1980; А. Миллер, *„Украинский вопрос“ в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)*, Санкт-Петербург 2000; W. Rodkiewicz, *Russian Nationality Policy in Western Provinces of the Empire (1863–1905)*, Lublin 1998; T.R. Weeks, *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*, DeKalb 1996.

⁶ Н. Mościcki, *Wysiedlenie szlachty na Litwie i Rusi przez rząd rosyjski*, „Wschód Polski” 1919, nr 1, s. 46–63.

1. Мастера внутренней политики

Ответственными за разработку долгосрочной и растянувшейся на годы политической программы, а также за реализацию внутренней политики на западных рубежах империи были центральные органы власти (царь, отдельные министерства, Комитет министров), представители местной администрации (виленские и киевские генерал-губернаторы, попечители учебных округов) и специально созданные для этой цели учреждения (комиссии по делам католической церкви, по еврейским делам) и, так называемые, западные комитеты. Последние сыграли наибольшую роль в выработке системных и долгосрочных политических решений⁷.

Перечисляя главных творцов внутренней политики, нельзя упускать из виду деятельность подчиненной государственной власти православной церкви, материально поощряемой религиозной и культурной экспансии. Православная церковь вместе со своим церковным аппаратом и духовенством была, наряду с административным аппаратом, важным участником и игроком, определяющим направления и последствия внутренней политики.

Другим важным участником, влияющим на внутреннюю политику империи и обычно толкающим ее на реакционный курс, были все более заметные, особенно во второй половине XIX века, редакции читаемых органов прессы, прежде всего „Московские ведомости“ во главе с Михаилом Катковым⁸, а также группа славянофильских идеологов, связанных с журналистским миром, в том числе Иван Киреевский, братья Константин и Иван Аксаковы⁹, Юрий Самарин, Александр Кошелёв, Николай Данилевский и другие.

Наконец, следует подчеркнуть, что большое влияние на внутреннюю политику сыграли такие важные для истории России политические события, как восстание декабристов (1825), польско-русская война (1831), Крымская война (1853–1856), Январское восстание (1863–1864 гг.), великие реформы 1860-1870-х гг. (крестьянская, судебная, городская, земская), первая русская революция 1905 года. Тем не менее, ключевую роль в определении основных направлений внутренней политики сыграли западные комитеты.

Первый Комитет западных губерний был создан 26 августа 1831 года, то есть во время Ноябрьского восстания. Комитет был политической реакцией на „польский бунт“ и ответом на участие жителей западных губерний в Ноябрьском восстании. Прежде всего, это было отрицание постулата руководителей польского восстания о присоединении „захваченных земель“ к Царству Польскому.

По оценке некоторых историков, инициатива создания Комитета западных губерний исходила от киевского военного губернатора Петра Ф. Желтухина¹⁰. Фак-

⁷ О.В. Лепеш, *Деятельность высших территориальных комитетов государственного аппарата Российской империи по управлению территорией Беларуси в XIX в., Белорусские земли в составе Российского государства (1772–1917)*, ред. В.А. Божанов, Минск 2013.

⁸ М.Н. Катков. *Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной летописи. 1863 год*, вып. 1, Москва 1887.

⁹ И.С. Аксаков, *Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886*, И.С. Аксаков, Сочинения, т. 3, Санкт-Петербург 1900.

¹⁰ С.М. Середонин, *Исторический обзор деятельности комитета министров*, т. 2, ч. 1, Санкт-Петербург 1902, с. 58; Т.Г. Архипова, *Комитет западных губерний. 1831–1848 гг. (К истории политики*

тически, более важную роль в создании этого комитета сыграл гражданский моголевский губернатор Михаил Н. Муравьев, который в 1831 году отправил в Петербург два мемориала, постулирующих радикальные изменения во внутренней политике Российской империи в отношении Западного края.

Первый мемориал („Всепоподданнейшая записка Моголевского гражданского губернатора Муравьева о нравственном положении Моголевской губернии и о способах сближения оной с Российской империей“) был составлен и отправлен царю Николаю II 22 декабря 1830 / 3 января 1831 года¹¹. В нем Муравьев постулировал усиление роли и влияния православного духовенства, сокращение католического духовенства, удаление польского языка из общественной жизни и управления, ликвидацию Литовского статута, замещение должностей русскими, усиление власти губернатора, а также увеличение числа российских помещиков и российской государственной собственности¹². Исходя из этих постулатов, еще до создания Западного комитета были приняты первые решения, направленные на ликвидацию государственной и исторической обособленности польских земель. Это было доказано, среди прочего, выпущенным 1/13 января 1831 г. указом об отмене, сначала в губернии Моголевской и Витебской, а затем Минской (18 II/2 III 1831), действовавшего с XVI века Литовского статута, а также указом от 3/15 февраля 1831, который отменил еще более старый Магдебургский закон, гарантирующий городам большую внутреннюю автономию¹³.

Второй мемориал Муравьева («Об учреждении приличного гражданского управления в губерниях от Польши возвращенных и уничтожении начал, наиболее служивших к отчуждению оных от России») был составлен под влиянием опыта Муравьева в подавлении Ноябрьского восстания¹⁴. В первой части этой записки Муравьев сформулировал 27 постулатов, которые, по его мнению, должны были способствовать установлению порядка в Западном крае, необходимого для подавления восстания и внедрения изменений, соответственных российскому законодательству и государственной системе. Во-первых, он постулировал, чтобы губернаторы в западных губерниях получили особые полномочия, не подконтрольные центральным властям, и чтобы должности гражданских губернаторов были заняты исключительно русскими, не имеющими семейных связей в этих губерниях. Он требовал деполонизации администрации и укомплектования всех ведомств „коренными русскими«, реорганизации служб и полицейских полномочий, усиления военно-полицейского надзора. Во второй части записки („О политическом преобразовании губерний от Польши возвращенных и уничтожении тех начал, которые постепенно довели край сей

царизма в отношении национальных окраин), „Труды Московского Государственного историко-архивного института“ Москва 1970, т. 28, с. 512-528.

¹¹ М.Н. Муравьев, *Четыре политические записки о Северо-Западном крае. 1830 г., 1831 г., 1864 г., 1865 г.*, „Русский архив“ 1885, № 6, с. 161-175.

¹² S. Wiech, *Depolonizacja Ziemi Zabranych (1864-1914). Koncepcje – mechanizmy decyzyjne – realizacja*, t. 1, *Litwa i Białoruś. Od Murawjowa do Baranowa (1864-1868)*, Kielce 2017, s. 49, 171-187.

¹³ *Полное собрание законов российской империи. Собрание второе*, т. 6, *Отделение первое*, Санкт-Петербург 1831, № 4233, с. 1; № 4369, с. 171; № 4329, с. 119-122.

¹⁴ М.Н. Муравьев, *Четыре политические записки ...*, с. 175-186; S. Wiech, *Depolonizacja Ziemi Zabranych...*, с. 49-51, 187-198.

до совершенного отчуждения от России“) высказал свои 19 точек зрения на пути борьбы с полонизмом. Он снова напомнил постулат об отмене польского законодательства и Литовского статута, лишении католической церкви и монастырей земельной собственности, лишении духовенства права обучать молодежь, ограничении их количества в религиозных общинах и приходах. Он также рекомендовал ликвидировать Виленский университет как гнездо, в котором рождается вредное для всей России «вольнодумство”. Муравьев также хотел полностью вытеснить польский язык из общественной жизни, лишить государственных привилегий мелкое дворянство, которое, по его мнению, следует выселить из Западного края, чтобы укрепить землевладение русских помещиков.

Высказанные Муравьевым взгляды были реализованы с помощью репрессивных декретов, а поставленные цели легли в основу идеологической программы, разработанной Западным комитетом, который посвятил свое первое заседание рассмотрению мемориалов Муравьева.

Комитет западных губерний, действовавший до 1848 года, отвечал за программу введения общегосударственного законодательства и административной системы в Западном крае, ликвидацию институтов и законов бывшей Речи Посполитой¹⁵, введение русского языка в систему образования и ослабление позиций католической церкви (ликвидация монастырей, униатской церкви), устранение польского элемента из государственных учреждений, начало православной колонизации, введение государственного надзора за социально-экономическими отношениями между дворянством и крестьянами и др.

Политическая программа, разработанная первым Западным комитетом, была продолжена вторым Западным комитетом, учрежденным в сентябре 1862 года. Как и в первом случае, непосредственной причиной создания еще одного Западного комитета был постулат о присоединении Западного края к Царству Польскому. С такой просьбой к Александру II обратились дворяне Подольской губернии, которые утверждали, что исторические, культурные, политические связи и экономические интересы западных губерний подтверждают необходимость административной связи этих земель с Царством Польским. Аналогичный по содержанию адрес составило дворянство Могилевской и Минской губерний¹⁶.

Реакцией российской стороны на заявленные требования польского дворянства стало создание второго Западного комитета, который разработал развернутую в ближайшие 40 лет детальную программу деполонизации Западного края, укрепления русской культуры, православной церкви и русской собственности. Опять же ключевую роль в разработке программы интеграции западных губерний сыграл Михаил Муравьев, который с мая 1863 г. занимал должность виленского генерал-губернатора. Через год, в мае 1864 года, Западный комитет одобрил разработанную Муравьевым программу укрепления русскости на западных

¹⁵ См. Т.Г. Архипова, *Комитет западных губерний. 1831–1848 гг. (К истории политики царизма в отношении национальных окраин)*, „Труды Московского государственного историко-архивного института“ Москва 1970, т. 28, с. 512–528; И.А. Никотин, *Столетний период (1772–1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649–1876)*, Вильна 1886.

¹⁶ S. Wiech, *U źródeł drugiego Komitetu Zachodniego. Sprawa polska na Ziemiach Zabrzanych w latach 1860–1862*, „Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo Wschodniej“ 2019, t. 54, z. 1, s. 147–173.

рубежах Российской империи. Эта программа сводилась к следующим выдвинутым Муравьевым постулатам:

«1) упрочить и возвысить русскую народность и православие так, чтобы не было и малейшего повода опасаться, что край может когда-либо сделаться польским [...] 2) поддержать православное духовенство, поставив его в положение независимое от землевладельцев, дабы совокупно с народом оно могло твердо противостоять польской пропаганде, [...], римско-католическое духовенство поставить в такое положение, чтобы оно больше не могло более вредить [...]. 3) [...] устроить таким образом правительственные органы в крае, чтобы высшие служебные места и места отдельных начальников, а равно все те, которые приходят в непосредственное соприкосновение с народом, были замещены чиновниками русского происхождения [...], 4) водворить русский элемент в крае всеми возможными средствами»¹⁷.

Достижение этих целей планировалось сделать с помощью иного решения крестьянского вопроса, чем в центральных губерниях, реорганизации системы народного образования, укрепления позиций православного духовенства, борьбы с католической церковью, замены всех чиновников русскими, приведенными из внутренних губерний, поддержки притока русских помещиков и крестьян, продажи им конфискованного у поляков имущества, обложения польских помещиков контрибуционным налогом и, наконец, изгнания из страны, без права возвращения, всех участников Январского восстания.

Урегулирование крестьянского вопроса должно было привести к полному отделению сельского населения от контактов и влияний польской шляхты. Таким образом, сельские жители, которые были лучше обеспечены материально, чем русские крестьяне из центральных губерний, должны были стать союзниками российских властей и быстро подчиниться процессу русификации.

Реформа системы образования свелась к ликвидации польских школьных заведений и созданию русских народных школ во главе с православным духовенством и учителями, привезенными из внутренних губерний России. Учителям, получившим высокие зарплаты (служебные надбавки), было поручено изучение русского языка, догматов православной веры и церковного пения. В то же время Муравьев требовал ликвидации гимназий и прогимназий, которые, как он утверждал, дороги в содержании, воспитывают врагов России, то есть польскую молодежь, а также распространяют польскую пропаганду. Новые гимназии могли работать при условии замены католического преподавательского состава на православный и изменения учебной программы. В случае литовского населения было разрешено изучать литовский (жемайтский) язык в народных школах, но только с использованием русских букв, что должно было символизировать уничтожение культурных и исторических польско-литовских связей, которые пыгались заменить новыми культурными русско-литовскими отношениями.

Одним из важнейших способов интеграции Западного края с империей было укрепление материального и социального положения духовенства и православной церкви. „Без содействия православного духовенства – писал Муравьев – мы не можем надеяться на прочное водворение русской народности в том крае. [...] Правительству

¹⁷ ГАРФ, ф. 811, оп. 1, д. 135, л. 2-3; РГИА, ф. 1267, оп. 1, д. 27, л. 122–123; S. Wiech, *Depolonizacja Ziemi Zabranych ...*, s. 206.

непристойно оставлять духовенство свое в столь униженном положении, равно как и церкви, [...] нет тех пожертвований, которых правительство не должно бы было для него сделать. [...] достоинство самого правительства требует возвысить духовенство приличным содержанием, а также возобновить старые и построить новые церкви. [...] Для постройки церквей в литовских губерниях нужно отпустить, [...] до 500 т. руб.”¹⁸

Исполняя эти пожелания, русские власти решили выделить для нужд духовенства и православной церкви специальный фонд для строительства новых церквей, а ежегодно для литовско-белорусских и украинских губерний выделить по 400 тыс. рублей (всего 800 тыс.) на служебные надбавки для приходских священников. Этот фонд был выделен из процентного сбора, который был наложен на польских помещиков. Кроме того, в Вильно были созданы высшие духовные школы для православных семинаристов, в Слониме учреждена школа для дочерей православных священников, основано несколько православных женских и мужских монастырей и одновременно ликвидированы несколько десятков католических монастырей и все католические религиозные братства (193)¹⁹.

Особенно болезненной для жителей западных губерний была система финансового и экономического угнетения польского населения, введенная Муравьевым. Более десятка специальных налогов были наложены исключительно на поляков и католическое духовенство. Особенно обременительным был контрибуционный (процентный) налог, введенный в 1864 г. для польских помещиков. Вопреки официально принятому названию, 10 %-й налог на самом деле составлял более 20 % годового дохода от собственности. Большая часть взносов, взимаемых с поляков, была направлена на выплату пособий российским чиновникам и православному духовенству, содержание военной полиции, русских театров, журналов и т.д.²⁰

Жестокие репрессивные меры, предложенные Муравьевым и принятые властями, граничили с «государственным терроризмом». Доказательством использования таких методов стал принцип коллективной ответственности, применение специальных законов и правовых решений, нарушающих гражданские, религиозные и языковые свободы. Некоторые из основных прав, гарантированных российским законодательством, были приостановлены или ограничены в западных губерниях. Так было и с правом использования в общественных местах польского языка, правом обучения поляков в государственных научных учреждениях, правом распоряжения частной собственностью. Принятые решения свидетельствовали о том, что российские власти политику интеграции и русификации Западного края понимали также в качестве политики исключения, национальной и религиозной сегрегации, правовой дискриминации и политического разделения. Указанные парадоксы были и одним из главных отличий внутренней политики в западных губерниях²¹.

¹⁸ S. Wiech, *Depolonizacja Ziemi Zabrzanych ...*, s. 211.

¹⁹ *Ibidem*, s. 146.

²⁰ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 296, л. 64-65; ф. 1282, оп. 2, д. 388, л. 55-68; РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 9, д. 28810, л. 2-10; S. Wiech, *Depolonizacja Ziemi Zabrzanych ...*, t. 3, *Litwa i Białoruś. Rządy Potapowa (1868-1874)*, Kielce 2021, s. 269-322.

²¹ См. Л.Е. Горизонтов, Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше

Убедительными доказательствами «русских парадоксов в политике интеграции» „захваченных земель” было исключение западных губерний из реформы самоуправления (городской и земской), иная форма судебной реформы, действующей в центральных губерниях, и даже противодействие идее создания университета в Вильно. Последнее исключение сделало Виленский учебный округ единственным на западных рубежах, не имевшим академического центра. В более широком контексте можно сделать вывод, что в 1864–1904 годы в политике интеграции западных рубежей гораздо важнее для властей была не столько концепция интеграции, сколько уничтожение существующей обособленности, даже за счет культурного коллапса или экономической разрухи. Определенный прорыв в этом отношении принесла революция 1904–1907 годов²².

Вынужденное в ходе революции 1905–1907 годов временное отступление от политики репрессий привело к предоставлению широких гражданских свобод, которыми воспользовались и жители „захваченных земель”. Самыми важными для них были языковые свободы (в образовании и печати), объявленный в апреле 1905 г. указ о религиозной терпимости и учреждение Государственной думы, в которую также входили представители Западного края. Здесь стоит подчеркнуть, что в I Государственной думе из 140 депутатов от национальных меньшинств, избранных в Царстве Польском и западных губерниях, только поляки учредили два своих (национальных) депутатских объединения (*Koło Polskie z Królestwa Polskiego*, *Terytorialne Koło Kresowe z Ziemi Zabranych*). Все остальные группы национальных меньшинств (литовцы, белорусы, украинцы, евреи) вошли в состав российских фракций и российских политических партий. Такое созвездие политических групп в каком-то смысле показало, каким социальным и национальным группам удалось защитить основы своей национальной идентичности, и какие подверглись процессу русификации и принудительной интеграции, что выразилось в присоединении к российским партиям и русскому политическому течению. Из важнейших инициатив польских депутатов были внесены в середине июня 1907 года во II Государственную думу два проекта о введении в школах Западного края польского и литовского языков в зависимости от национального состава учащихся. Однако эти проекты не дождались реализации из-за быстрого роспуска II Госдумы.

Крах революции 1905–1907 годов означал для Западного края возвращение к политике репрессий и усиление реакционного курса. Новым плодом реакционного курса во внутренней политике стали предпринятые МВД весной 1914 года работы по выработке очередной программы окончательной деполонизации западных губерний и их полной русификации. Созданный в это время тайный комитет начал работу над новой политической программой, которую можно считать продолжением и углублением программы, выработанной первым и вторым Западными комитетами. Внедрению в жизнь очередной программы окончательной интеграции западных рубежей помешало начало Первой мировой войны. Тем не менее идея продолжения борьбы за землю, души и народность с использованием прежде всего репрессивных мер была свидетельством решимости

(XIX – начало XX в.), Москва 1999.

²² *Западные окраины Российской ...*, с. 343–406.

российских властей в достижении политических целей, которыми были окончательная деполонизация и русификация Западного края.

2. Борьба за землю, душу и национальность.

Политика интеграции западных рубежей заключалась в первую очередь в том, чтобы разрушить социальный и политический порядок, существующий в Западном крае, а затем обратить вспять несовместимые с российской моделью государства конфессионально-национальные пропорции и структуры землевладения, расширить влияние русской культуры и православной религии. Борьба за достижение поставленных целей велась прежде всего на трех фронтах политической борьбы: за землю, душу и народность. Первый фронт заключался в увеличении русского землевладения, второй – в увеличении числа православного населения, а третий – в насаждении русской культуры, русского языка и построении российской государственной идентичности. Веденная на трех фронтах борьба должна была заложить фундамент культурной, религиозной, государственной, этнической и языковой унификации и привести к полному господству России и русской культуры.

Из обозначенных фронтов борьбы следовало, что лейтмотивом политической и культурной унификации и одним из главных лозунгов и целей внутренней политики Империи стала деполонизация „захваченных земель“²³. Только дальше должна была идти русификация западных рубежей. Построение основ русского царствования означало отрицание исторического наследия польского государства. По тем же причинам программа русификации и интеграции Западного края была усилена государственной идеологией, выраженной такими лозунгами, как: «исправление исторической несправедливости», „возвращение западных губерний к русским корням“, „очистение Западного края от польских наслоений“, „борьба с полонизмом и латинской культурой“.

Поскольку в западных губерниях чужаками и, согласно государственной идеологии, враждебными России были в первую очередь поляки, клинок социального эксперимента, а также политических, религиозных, культурных и национальных преобразований в меньшей степени ударил по украинскому, белорусскому, литовскому и еврейскому населению. Тем не менее, вышеупомянутые религиозные и национальные группы также стали предметом борьбы за землю, души и национальность, о чем, среди прочего, свидетельствуют: запрещение публикаций на родном языке литовцам²⁴, указ, ограничивающий языковые свободы украинцев, или майские законы 1882 года, ограничивающие свободу передвижения еврейского населения. По мнению российских властей, литовцы, белорусы, украинцы и евреи затрудняли реализацию интеграционной политики не только из-за своей обособленности, но и потому, что за последние несколько столетий они переняли многие элементы польской культуры и сформированы были в польской модели государства. Этот тип исторических связей, исторически сложившихся

²³ М.Д. Долбилов, *Полонифобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг.*, Образ врага, сост. Л. Гудков, Москва 2005, с. 127-174.

²⁴ Д. Сталюнас, *Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике (1860-е гг.)*, „Ab Imperio“ 205, № 2, с. 225-254.

отношений и процессов ассимиляции довольно быстро стали называть в России «польскими приращениями (наростами?)» или эффектом многовековой полонизации.

Серьезные барьеры и ограничения на территориальную мобильность применялись и в отношении еврейского населения²⁵. Назначенная так называемая «зона оседлости» препятствовала свободному перемещению евреев в пределах империи. Политика сегрегации и разжигания конфессионально-национальных антагонизмов привела в итоге к волне погромов и антиеврейских выступлений (1881) и принятию так называемых „майских законов“ (3/15 V 1882), которые ограничивали евреям возможность селиться в деревне и приобретать там недвижимость. Здесь стоит отметить, что введенные ограничения в значительной степени были результатом той позиции, которую по еврейскому вопросу занимал киевский генерал-губернатор Александр Дрентельн²⁶. Представляя министру внутренних дел результаты работы комиссии по расследованию антиеврейских беспорядков в Киевской, Подольской и Волынской губерниях, он заявил, что причиной растущего антагонизма и антиеврейских выступлений были странности и особенности евреев, которые на самом деле сами привели к трагическим событиям. Дрентельн также предположил, что необходимо ввести дополнительные ограничения для евреев в отношении запрета селиться в сельской местности и в городах и изоляции этого религиозного меньшинства²⁷.

3. Борьба за землю

С конца XVIII века до середины 1860-х годов в Западном крае крупная земельная собственность почти полностью находилась в руках поляков. По этим причинам одной из важных целей во внутренней политике было разрушение существующей структуры собственности²⁸. Захват на исходе XVIII в. имений бывшего польского государства (казна, королевские земли) считался недостаточным. Русское землевладение было увеличено за счет политики массовых изъятий и конфискации имущества, которое передавали русским в виде дарения, или поддерживаемой государством акции колонизации²⁹.

Особенно усиленная политика вытеснения польских помещиков, осуществляемая методами экономических и политических репрессий, была введена после поражения Ноябрьского и Январского восстаний. Участие или поддержка польских стремлений к независимости были достаточным предлогом, чтобы путем политических репрессий отнять у поляков и католической церкви несколько тысяч земельных владений и несколько сотен имений католических монастырей.

²⁵ *Западные окраины Российской ...*, с. 301–340; И.А. Никотин, *Столетний период (1772–1872) русского законодательства ...* т. 2, с. 201–378.

²⁶ S. Wiech, *Polityka narodowościowa kijowskiego generała-gubernatora Aleksandra Drentelna w latach 80-tych XIX w.*, w: *Z dziejów ucisku narodowego w zaborze rosyjskim w latach 1861–1917*, t. 1, red. S. Wiech, Kielce 2019, s. 69–142.

²⁷ S. M. Dubnow, *Die neueste Geschichte des jüdischen Volkes*, t. 3, Berlin 1923.

²⁸ D. Beauvois, *Walka o ziemię. Szlachta polska na Ukrainie prawobrzeżnej pomiędzy caratem a ludem ukraińskim 1863–1914*, Sejny 1914.

²⁹ J. Kaczkowski, *Konfiskaty na ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim po powstaniu roku 1831 i 1863*, Warszawa 1918.

Уменьшению польского землевладения служили также репрессивные и нигде не применяемые, кроме Западного края, правовые решения. Таким образом указом от 10/22 декабря 1865 г. был установлен запрет на приобретение в западных губерниях лицами польского происхождения имущества³⁰. С тех пор единственным допустимым способом передачи собственности полякам было наследование. Законы от 22 декабря 1865 г., ограничивающие польских помещиков, были отменены только декретом от 14 мая 1905 г., когда уступки стали возможны под влиянием революционных событий. Аналогичные ограничения и запреты на приобретение земли касались еврейского населения (указ от 10/24 июля 1864 г.).

Разрушению структуры собственности служил также введенный в 1864 году для польских помещиков контрибуционный налог, который должен был поощрять или принуждать к лишению имущества. По указу 1870 г. этот налог мог быть отменен только в том случае, если в Западном крае половина всего земельного имущества принадлежала русским, а русские составляли 2/3 всех помещиков³¹.

Увеличение доли русских собственников, особенно после 1864 г., привело к усилению социального, политического и экономического положения новой группы сановников, военных, чиновников, помещиков и крестьян-колонистов, пришедших из глубин империи. Некоторые частные и церковные усадьбы также были переданы государственной казне. Этническим «чужестранцам», но, что самое главное, русского происхождения, были гарантированы особые финансовые льготы, правовые привилегии и государственная протекция. Такой характер имел указ об инструкционных имуществах (1865 г.), который поставил российских покупателей недвижимости в привилегированное положение³².

Интересно, что в политике русификации западных провинций лица русского происхождения, приехавшие из центральных губерний, ценились выше, чем русские, проживавшие в Западном крае многие десятилетия (чиновники, землевладельцы). Точно так же, то есть с большим подозрением, государственные власти относились к тем жителям, которые, желая обойти правила, ограничивающие поляков и католиков, были готовы принять православие и заявили о своей политической лояльности российскому государству. Для нужд унификации предпочитали более дорогой для государства обмен чиновничьими кадрами и изгнание из западных губерний местных элит. Это направление стимулированной и вынужденной миграции углубляло процесс деполонизации и декатолизации Западного края. Эти выводы подтверждают даже амнистийные указы, по которым польским ссыльным после отбытия наказания было запрещено селиться в Литве, Белоруссии и Украине даже в том случае, если они были родом из этих земель³³. Аналогичные исключения касались сосланного в Сибирь католического духовен-

³⁰ ПСЗРИ, т. 40, ч. 2, 1865, № 42759, с. 326–327; R. Jurkowski, *Ziemiaństwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864–1904. Działalność społeczno-gospodarcza*, Warszawa 2001, s. 42–44, 107; Л. Горизонтов, *Парадоксы...*, с. 101.

³¹ ПСЗРИ, т. 45, ч. 2, 1870, № 49991, с. 631–632.

³² „Опорядке продажи казенных земель в Западных губерниях лицам русского происхождения, служащим в том крае или желающим водвориться там на постоянное жительство”, См. *Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае*. Вильна 1886, с. 31–37.

³³ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*, t. 67, Warszawa 1867, s. 7.

ства. Заблокирован был также возможный приток поляков и католиков из Царства Польского, которым было запрещено в пределах империи переселяться в западные губернии.

Возникающие пустоты после вытесненных и лишенных земли польских и католических помещиков надо было чем-то заполнить. Поскольку русские крестьяне, несмотря на множество преимуществ и льгот, предоставленных государством, не проявили должного интереса в участии в борьбе за землю, поэтому российские власти в колонизационных целях были готовы использовать иноземный элемент, даже если он происходил из-за пределов территории империи. Таким образом, Волынская губерния в 60-х гг. стала одним из крупнейших центров чешского и немецкого поселений³⁴. По переписи 1897 года в Волынской губернии проживало ок. 200 тыс. колонистов, в том числе более 170 тыс. немцев и около 30 тыс. чехов. Очевидно, что только по политическим причинам крестьяне из Царства Польского не могли быть включены в действия по колонизации Западного края, хотя они жили ближе к западным губерниям и были заинтересованы в получении новых земель, потому что после принятия реформы 1864 г. несколько сотен тысяч остались безземельными. Католицизм и польскость этих крестьян определили, что не западные губернии, а Южная Америка стала местом поиска земли и хозяйств. Не только западные губернии, но даже Сибирь до конца XIX века была для польских поселенцев запретным плодом, так как, по оценке русских властей, она могла быстро приобретать польский и католический характер³⁵.

Аналогичные ограничения и запреты на приобретение и использование земли были введены в отношении еврейского населения. О более или менее открытом стремлении российских властей вытеснить или уменьшить численность евреев в империи свидетельствуют слова обер-прокурора Священного Синода Константина Победоносцева, имевшего большое влияние при дворе Александра III. Победоносцев, делая политические прогнозы относительно будущего России, утверждал, среди прочего, что проблема евреев, живущих в Российской империи, будет решена, потому что «одна треть изменит свою веру, одна треть эмигрирует, а одна треть умрет от голода»³⁶. Результатом политики дискриминации стало эмигрантское движение евреев (в Америку, частично в Царство Польское), которое лишь частично могло разрядить существующую напряженность, возникшую из-за внутренней политики.

Проводившееся в западных губерниях государственное наступление на

³⁴ См.: А.А. Велицын, *Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России, С-Петербург 1893*; J. Auerhan, *České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze*. Praha 1920; Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Москва 1996; М.Н. Бармак, *Німецьке, чеське та єврейське населення Волинської губернії (1796–1914 рр.)*, Тернопіль 1999; М. Костюк, *Немецкие колонии на Волыни*, Тернополь 2003.

³⁵ С. Вех, Я. Лерец, *Проблема переселений крестьян Царства Польского в Сибирь во второй половине XIX – начале XX века*, в: *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник научных трудов*, ч. 1, Омск 2012, с. 387–392.

³⁶ J. D. Klier, *Pobedonostsev, Konstantin (1827-1907)*, в: *Antisemitism: A Historical Encyclopedia of Prejudice and Persecution*, editor Richard S. Levy, t. 1, Santa Barbara 2005, s. 551; S. Dubnow, *History of the Jews in Russia and Poland*, trans. I. Friedlaender, vol 3, Philadelphia, 1920, s. 10; Ш. Эттингер, *История еврейского народа*, Иерусалим 2001, с. 436.

фронте борьбы за землю дало отчасти ожидаемые результаты. Согласно первой переписи в девяти губерниях Западного края в 1897 г. польская собственность включала ок. 10 млн гектаров пахотной земли, что составляло около 47 % от общей площади, а число польских собственников достигало 25 тыс., что составляло ок. 32 % от общего числа землевладельцев. Это означало, что в течение ок. 30 лет польское землевладение сократилось вдвое, а количество польских землевладельцев – на 2/3. Несмотря на столь явные изменения в структуре собственности, российские власти не решились отойти от политики репрессий и дискриминации, а подготовленные в 1914 году специальной комиссией проекты новых правил свидетельствовали о желании еще больше усилить процесс русификации.

4. Борьба за души

Конфессиональная политика в западных губерниях была направлена прежде всего на укрепление позиций православной церкви и увеличение доли православного населения³⁷. Это изменение в конфессиональной структуре должно было произойти главным образом за счет католической церкви. На фронте борьбы за души расширение православной церкви и декатолизация западных губерний сыграли решающую роль. Предполагалось, что распространение православной религии проложит путь к культурной и национальной русификации³⁸.

Одной из основных особенностей, характерных для конфессиональной политики, было сильное вмешательство государственных органов и гражданского управления в религиозные вопросы, а также в деятельность и организацию католической церкви³⁹. Эта политическая практика применялась уже в конце XVIII в. Ее примером были, в частности, введение против униатской церкви репрессий, ликвидация униатской церкви и ликвидация католических епархий в Каменец-Подольском (основана в 1795 г., восстановлена в 1798 г. Павлом I и вновь ликвидирована в 1866 г.), в Киеве (1798) и в Минске (1869). Изданные решения о ликвидации католических епархий, вместо которых были созданы православные епархии (Виленская и Литовская епархии были созданы в 1839 году), были чисто политическими актами. Они преследовали цель укрепить структуры православной церкви⁴⁰, ослабить позиции католической церкви, затруднить католикам выпол-

³⁷ См. М. Долбиллов, *Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, Москва 2010, *passim*.

³⁸ А. И. Миловидов, *Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае*, Харьков 1900, *passim*.

³⁹ См.: Д.Н. Чихаев, *Вопрос о располычении костела в прошлом и настоящем*, Санкт-Петербург 1913; А.П. Владимиров, *История располычения западнорусского костела*, Москва 1896; А. Смоляничук, *Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях. 60-70-е гг. XIX в.*, „Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis, Vilnius, 2005, t. 26, с. 420-425; Д. Сталюнас, *Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия*, „Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis“, Vilnius, 2005, t. 26, с. 307-347; А. Ю. Бендин, *Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.)*, Минск 2010; С. Вех, *Конфессиональная политика генералов-губернаторов виленских в 1860–1870-х годах*, „Wschodni Rocznik Humanistyczny“ 2020, nr 4, s. 131-144; Я. Легець, *Политика генерал-губернатора А.П. Безака в отношении римско-католической церкви в Юго-Западном крае (1865–1868)*, „Wschodni Rocznik Humanistyczny“ 2020, nr 4, s. 145-160.

⁴⁰ См. А.И. Миловидов, *Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М.Н.*

нение религиозных практик и поощрять переход в православие. Примечательно, что подобные эксперименты и резкое вмешательство в религиозные дела не применялись в отношении евангелической церкви, приверженцев иудаизма или мусульманского меньшинства.

Самым значительным актом, поразившим демографический потенциал католической церкви, было решение о ликвидации униатской церкви, подготовливаемое годами и принятое в 1839 году. Одноразовым актом униатское население численностью более миллиона человек было вынуждено перейти в православие, потому что униатам, признавшим суверенитет Папы, не разрешили присоединиться к католической церкви. Ликвидация униатской церкви в значительной степени была направлена на польскость, поскольку униаты были близки к латинской и польской культуре. Аналогичные цели были поставлены и подобное решение было применено 36 лет спустя в Царстве Польском, где была ликвидирована последняя в пределах империи униатская Холмская епархия (1875).

Проект декатолизации западных губерний осуществлялся через ликвидацию католических монастырей. Две большие акции ликвидации монашеских орденов проводились в 30-х и 60-х годах XIX в. Если еще в 1830 году на „захваченных землях“ было 200 католических монастырей, то в 1905 г., т. е. в год издания указа о религиозной терпимости, в западных губерниях осталось только 9 монастырей (4 мужских и 5 женских)⁴¹. Это означает, что 95 % всех орденов было ликвидировано. Излишне добавить, что все имущество было передано в государственную казну, которая в зданиях бывших монастырей размещала православные братства, православные храмы, государственные учреждения, казармы или русские учебные заведения. Таким образом, польский и католический экономический потенциал был использован для укрепления и пропаганды православной церкви и русской культуры.

В борьбе за души также использовались силовые решения и экономические инструменты. Пиковым периодом административного принуждения католического населения к обращению в православие было правление виленского генерал-губернатора Константина Кауфмана, который, используя административный аппарат, в течение всего двух лет принудил средствами запугивания и финансового давления перейти в православие ок. 70 тыс. католиков⁴². Одним из примеров использования экономических инструментов был выделенный из контрибуционного налога, взимаемого с польских помещиков, постоянный фонд (по 400 тыс. рублей для литовско-белорусских губерний и 400 тыс. рублей для украинских губерний), предназначенный для надбавок для православного духовенства и для нужд православной церкви.

Разрушение структур католической церкви путем ликвидации или изменения границ епархии и приходов, закрытия церквей и монастырей, введения политического контроля над духовенством (цензура проповедей) было подкреплено законодательными актами, ограничивающими свободу вероисповедания. Католическому населению запретили, среди прочего, возведение храмов, часовен

Муравьеве, Вильна 1913.

⁴¹ РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 89, л. 92; оп. 128, д. 162, л. 50.

⁴² Д. Сталюнас, *Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия*, „Lietuvių Katalikų mokslo akademijos metraštis“ Vilnius 2005, с. 307–347.

и придорожных крестов, организацию религиозных процессий, торжественных похорон, а применяемые к монахам и священникам репрессии и финансовые наказания должны были побудить их покинуть Западный край. Как далеко заходили планы вмешательства государственных органов в дела католической церкви, лучше всего свидетельствует рассчитанный на рубеже 60–70 XIX в. проект внесения раскола в католическую церковь путем создания послушного властям ответвления католической церкви, которое не признает власти папы.

Цели, которые на фронте борьбы за душу назначили себе государственные власти, в значительной степени раскрывает деятельность специальной комиссии по делам католической церкви, созданной в 1866 г. виленским генерал-губернатором К. Кауфманом, под председательством Алексея П. Стороженко⁴³. Эта комиссия подготовила ряд проектов, касающихся вмешательства государственной власти во внутреннюю организацию и традиции литургии католической церкви, реформы духовных семинарий, преобразование Духовной академии в Санкт-Петербурге в богословский факультет при Петербургском университете, упразднение Минской епархии и, наконец, введение русского языка в литургии католической церкви⁴⁴. Последний постулат, рассматриваемый еще в 40-х годах XIX века и принятый, наконец, Александром II в 1869 году, предполагал постепенное вовлечение духовенства и последователей католической церкви в сферу русской культуры, что должно было способствовать разрыву связей с западной латинской культурой.

О неравном обращении с последователями католической церкви свидетельствует, наконец, установленная государственными властями иерархия важности вероисповедания в смешанных католико-православных браках. Дети из таких браков могли быть воспитаны только в православной вере, и этого правила не подорвал даже указ о религиозной терпимости 1905 г., который, несмотря на возвышенную идею введения свободы вероисповедания, запретил униатскому населению возвращение в бывшую униатскую церковь (они могли либо остаться в православии, либо принять католичество).

Активизация государства в борьбе за души, видимая в Западном крае, значительно увеличила область российского господства, которое символически можно выразить в нескольких тысячах построенных не прихожанами, а для потенциальных прихожан православных церквей, которые частью были тоже перестроены из католических храмов. Одновременно на несколько сотен тысяч было уменьшено католическое население, которое в наибольшей степени угрожало или подрывало, по оценке властей, идею возвращения к русским корням.

5. Борьба за национальность

Борьба за национальное самосознание жителей западных губерний, которая велась в области культуры и образования, должна была привести к размыванию или

⁴³ D. Staliūnas, *Kalba ar konfesija? Sumanymas iversti rusų kalba vakarų krašto pridėtinėse katalikiškose paraldose*, „Lietuvos istorijos metraštis“, Vilnius 2000, s. 125–137.

⁴⁴ T. J. Martynow, *O wprowadzeniu języka rosyjskiego do obrzędów religii katolickiej na Litwie i w Polsce zamierzonym przez rząd moskiewski*, (z franc. tłum. J. Bojarski), Lwów 1874, s. 38–40; I. Wodzianowska, *Wytyczne Komisji do spraw duchowieństwa w sprawie zwalczania katolicyzmu w generał-gubernatorstwie wileńskim (1866–1868)*, w: *Kościoty a państwo na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Źródła i stan badań*, red. M. Kietliński, K. Sychowicz, W. Śleszyński, Białystok 2005, s. 173–198.

утрате национальной идентичности значительной части жителей Западного края. Языковая, культурная и религиозная русификация поляков, литовцев, белорусов и украинцев и в меньшей степени евреев прокладывала путь к сближению западных губерний с империей и являлась гарантией установления русского господства. Хотя государственные лидеры часто повторяли, что поляков, литовцев и евреев нельзя сделать русскими, тем не менее навязанная русская (культурная и языковая) модель образования ограничивала свободу национального развития и распространения национальных традиций.

Одной из главных основ национальной идентичности было вероисповедание и родной язык. Распространение православия и русского языка рассматривалось как условие построения русской государственности и русской национальной идентичности. Российские власти исходили из предположения, что большинство жителей губерний не имеют сформированной национальной идентичности, поэтому ее следует использовать для построения основы русской национальности. Прекрасно эту политическую цель описал Виленский генерал-губернатор Владимир Назимов, который в письме от 13 февраля 1863 г. министру просвещения сказал: „народ [западных губерний] в невежестве, как ребенок, выходящий из пеленок и лишенный еще всякого разумного сознания, протянет руки первому, кто подарит его первой отеческой заботой, и тот язык, которым заговорят с ним окружающие его заботами, станет родным для него языком”⁴⁵.

Поставленный диагноз означал, что одной из главных целей внутренней политики будет удаление из общественного пространства, образования, учреждений, религиозных и частных заведений языка поляков, литовцев, украинцев, евреев. Наибольший масштаб языковых репрессий обрушился на польское население. Ликвидация сильнейшего в западных губерниях польского образования должна была очистить преддверие борьбы за национальность. Начатая в эпоху царствования Николая I русификация образования (ликвидация польского Виленского университета)⁴⁶, достигла своего апогея после поражения Январского восстания, когда польский язык был полностью убран из школ и всех государственных учреждений. Кроме того, было запрещено издавать польские книги и журналы, а за употребление польского языка в общественных местах (на улице, в магазине, ресторане, театре) были наложены штрафы. Изданные Муравьевым языковые репрессии подтвердили и другие виленские генерал-губернаторы (К. Кауфман, Э. Баранов, А. Потапов).

На фронте борьбы за национальность жителей западных губерний важнейшую роль сыграла борьба за национальный характер образования⁴⁷. После поражения Январского восстания образование подверглось почти полной русификации, хотя уже ранее были ликвидированы важнейшие для польской культуры и науки школьные центры (Виленский университет, лицей в Кременце - 1832).

⁴⁵ Извлечение из отношения к Министру Народного Просвещения Виленского Военного, Гродненского, Ковенского и Минского Генерал-Губернатора от 1-го Февраля 1863 года за № 146, [без места и года издания], с. 5.

⁴⁶ См. D. Beauvois, *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832*, t. 1, *Uniwersytet Wileński*, t. 2, *Szkoły podstawowe i średnie*, Rzym – Lublin 1991.

⁴⁷ L. Zasztowt, *Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej*, Warszawa 1997.

Созданный в 1833 году Киевский университет должен был стать одним из важнейших для украинских губерний академических центров для русификации молодого поколения и денационализации студентов. Опасение, что русский характер невозможно навязать Виленскому университету, привело к тому, что Виленский учебный округ единственный в европейской части России не имел собственного академического центра. Блокирование развития польского образования и страх российских властей перед возникновением значительных скоплений польской и католической академической молодежи привели к выпуску репрессивных законов (1865), на основании которых в российских университетах процент студентов польского происхождения не мог превышать 10 %. Столь же репрессивным было постановление 1892 г., вводящие в Западном крае суровые наказания (300 руб. или 3 месяца ареста) за проведение тайного обучения на польском языке⁴⁸.

Языковые репрессии коснулись также литовцев и украинцев. Запрет на издание книг на литовском языке был обойден путем создания литовских типографий в Восточной Пруссии. В народных школах преподавание литовского языка разрешалось в первых классах, но только при условии использования русских букв в письме и печати. Неудивительно также, что в развитии литовского национального движения важную роль сыграли лежащие за пределами Литвы центры национальной жизни, в том числе основанный в Восточной Пруссии в 1883 г. литовский журнал «Аушра» (лит. „Aušra“ - «Заря»), редактор и издатель которого Йонас Басанавиčius (Jonas Basanavičius) получил звание „отца“ литовского национального возрождения⁴⁹. Аналогичную роль сыграло основанное в 1889 г. в Варшаве общество Lietuva (Литва), лидер которого Винцент Кудирка (Vincas Kudirka) стал позднее автором литовского гимна.

Аналогичные языковые ограничения были наложены на украинцев, хотя в течение короткого периода украинское национальное движение было принято российскими властями, что давало возможность легального распространения исконных традиций, языка и культуры. Этим воспользовались самые выдающиеся создатели и активисты украинского возрождения (Николай И. Костомаров, Тарас Г. Шевченко, Пантелеймон А. Кулиш, Владимир Б. Антонович, Михаил П. Драгоманов и другие), которые могли публиковать свои произведения, издавать в Петербурге на украинском языке журнал „Основа“ (1861–1862) или участвовать в полулегальных „громадах“⁵⁰.

Поскольку национальные, культурные и языковые стремления украинцев могли выйти из-под контроля властей, поэтому быстро, на основании так называемого Валуевского циркуляра (1863), права на украинскую литературу были ограничены, за исключением художественной литературы⁵¹. Выдвинутый Валуевым (министром внутренних дел) тезис, что „малорусского языка не было, его нет и не может быть« (то же самое утверждал редактор „Московских Ведомостей“ Ми-

⁴⁸ ПСЗРИ, *Собрание третье*, т. 12, 1892, № 8486, с. 223–224.

⁴⁹ M. Römer, *Litwa. Studium o odrodzeniu narodu litewskiego*, Lwów 1908, s. 92–93.

⁵⁰ М.Д. Бернштейн, *Журнал „Основа“ і український літературний процес кінця 50-60-х років XIX ст.*, Київ 1959.

⁵¹ А. Миллер, „Украинский вопрос“ в политике властей ..., с. 65–66, 93; Р. Вульпиус, *Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии (1860–1906)*, „Ab Imperio“ 2005, № 2, с. 191–224.

хаил Катков) подтвердил секретный Эмский указ (1876), содержание которого было опубликовано только в 1930 году. Эмский указ запретил использование названия „Украина“, использование украинского языка в общественной жизни, издание книг и переводов на этом языке, а также ввоз украинских изданий в империю („Не допускать ввоза в пределы Империи, без особого на то разрешения Главного Управления по делам печати, каких бы то ни было книг, издаваемых за границей на малорусском наречии“). Были запрещены демонстрации украинских театральных представлений, и даже печать украинских текстов для песен⁵².

Стоит напомнить, что причиной выхода Эмского указа стал донос заместителя попечителя Киевского школьного округа Михаила Юзефовича, который в 1874 году сообщил императору о существовании украинофильского движения, подрывающего единство империи. По указанию Эмского издания была проведена чистка среди педагогических кадров Киевского научного округа, с удалением тех учителей, которые симпатизировали или были связаны с украинским национальным движением. Приказ покинуть страну получили, в том числе Михаил П. Драгоманов и Павел П. Чубинский - этнограф и поэт, автор смоделированного на основе Мазурки Домбровского гимна Украины. Репрессии и усиление русификации с середины 1870-х годов способствовали краху украинского национального движения, которое, как и в случае национального возрождения литовцев, процветало за пределами Российской империи.

Парадоксальным было и то, что нетерпимое и репрессированное в империи украинское национальное движение одновременно поддерживалось российскими властями в Габсбургской монархии, чтобы усилить там национальные антагонизмы и ослабить внутреннюю Австро-Венгрию. Этот парадокс был еще одним свидетельством инструментального обращения с национальными меньшинствами.

Хотя национальное возрождение литовцев и украинцев в значительной степени выросло из коренной связи с польской культурой, о чем свидетельствует хотя бы творчество украинского поэта Тимко Падуря (Tomasz Padurra), бывшего участника Ноябрьского восстания, воевавшего в рядах войск генерала Кароля Ружицкого, оно, однако, довольно быстро черпало свою силу в акцентуации своих антипольских настроений. Разрыв с традициями польско-литовских и польско-украинских связей стал одним из столпов построения собственной национальной политической ориентации, что и проявилось в программе „Аушры“ или деятельности порвавшего со своей польскостью и католицизмом Владимира Антоновича, который, уже будучи украинцем, стал одним из главных кустарей украинского национального самосознания.

Кратковременный отход от политики национальных репрессий, как уже отмечалось, произошел в годы революции 1905–1907 гг. Поляки, литовцы и украинцы воспользовались вынужденными уступками российских властей. Впервые со времен Январского восстания российские власти разрешили издавать в Вильно польскую газету „Kurier Litewski“ («Курьер Литевски»). Было разрешено печатать книги на польском языке, вывешивать двуязычные вывески и ставить польские театральные

⁵² W.A. Serczyk, *Historia Ukrainy*, Wrocław 2001, s. 207–208, 232; А. Миллер, «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.), Санкт-Петербург 2000, сс. 96–152.

пьясы. Временно разрешена деятельность польских образовательных организаций. Языковые свободы и указ о религиозной терпимости от 30 апреля 1905 года открыли для польского населения шанс для развития дискриминированной и скованной до сих пор религиозной, национальной и культурной жизни. Уступки одновременно способствовали обострению конфликта между литовцами и поляками из-за языка, используемого в церкви. Спор о языке литургии был настолько острым, что поляки и литовцы в католической религии и родном языке видели фундамент возрождения и развития национального самосознания.

Литовскому языку была предоставлена большая свобода еще в 1904 году, когда Совет министров 7 мая 1904 г. постановил по отношению к литовской и жмудской грамоте разрешить использование в изданиях, кроме русского, также латинского или иного алфавита. С другой стороны, Министерство образования согласилось с тем, что литовский язык станет обязательным предметом в школах в Сувалкской губернии (Царство Польское), что также было рассчитано на эскалацию польско-литовского антагонизма.

На волне национального возрождения в ноябре 1905 года Й. Басанавичюс направил премьер-министру Витте меморандум, в котором потребовал предоставления Литве широкой автономии вместе с законодательным собранием в Вильно, создания литовских школ и литовской администрации. Акция Басанавичюса не дала ожидаемых результатов. Тем не менее лидеру национального движения удалось созвать 4–5 декабря 1905 г. в Вильно большой съезд представителей различных слоев общества, ассоциаций, группировок, общин и литовских партий (ок. 2 тыс. представителей), вошедший в историю под названием Виленского Сейма. В ходе съезда была принята резолюция, призывающая к совместной борьбе за автономию и законодательное собрание. Виленский генерал-губернатор Александр А. Фрезе, напуганный заявленными требованиями и консолидацией литовского движения, 6 декабря 1905 г. разрешил введение литовского языка в муниципальное самоуправление и начальные школы в Ковенской губернии и в части Сувалкской губернии. Уступки Фрезе привели к тому, что литовцы получили тот же объем прав и языковых свобод, который был предоставлен полякам.

Революция 1905–1907 гг. принесла пользу и украинскому национальному движению. В Киеве были созданы первые украинские журналы: „Хлібороб“, „Рідний край“, „Рада“. Также было высказано согласие на введение украинского языка в начальные школы и гимназии. Однако российские власти возражали против требования создания в Киевском университете украинской кафедры, а в 1906 году отозвали выданное разрешение на введение украинского языка в начальные школы и гимназии.

После поражения революции российские власти вернулись к прежней риторике и репрессивному направлению, которое существовало ранее во внутренней политике.

Последствия борьбы за национальность не оправдали полностью ожиданий. Правда, они пошатнули чувство национальной идентичности значительной части белорусов и украинцев, увеличили присутствие русских, но прогресс в русификации жителей западных губерний был остановлен национальным возрождением литовцев и украинцев, которое усилилось во второй половине XIX века. Ограниченность процесса национальной русификации частично

подтверждает перепись 1897 г., в соответствии с которой в 6 литовско-белорусских губерниях (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской) поляками назвали себя 16,3 %, литовцами – 13,2 %, белорусами – 41 % и только 4,5 % – русскими⁵³. Точно так же низкий процент россиян, ок. 4 %, был в трех украинских губерниях (Подольской, Киевской, Волынской). Здесь самыми многочисленными были украинцы (русины) – ок. 75 %, евреи – ок. 13 % и поляки – ок. 7 %.

6. Вместо заключения

Характер и цели внутренней политики, осуществляемой в западных губерниях, в какой-то мере иллюстрируют три памятника, которые стараниями российских властей были поставлены в Вильно и Киеве. Одним из них стал открывшийся в Вильно в 1898 году памятник Михаилу Муравьеву („Вешателю“), который жителям западных губерний запомнился как один из самых жестоких виленских генерал-губернаторов. Ставя памятник, Россия отдавала дань Муравьеву прежде всего за подавление польского восстания и разработку плана русификации Западного края. Нет сомнений, что памятник Муравьеву в Вильно был символом силового господства России над западными губерниями. На эту символику непосредственно ссылался открывшийся шесть лет спустя в Вильно памятник Екатерине II (1904). Царица в контексте «захваченных земель» ассоциировалась прежде всего с гегемонией над Западным краем, полученным путем раздела Речи Посполитой и военной экспансии России на Запад.

Несколько другим символом российского господства над Западным краем был открытый в 1888 году, в честь 900-й годовщины крещения Руси, памятник гетману Богдану Хмельницкому в Киеве. На этот раз памятник символизировал желанную Россией покорность жителей западных губерний и добровольное подчинение украинцев русскому господству. В памятнике Хмельницкому прославлялось прежде всего политическое значение Переяславского договора (1654 г.), согласно которому вождь Украины признал верховенство России. Скрытая в памятнике символика захвата власти над украинскими губерниями была бы более уместна, если бы был утвержден первоначальный проект памятника. Согласно этому проекту, конь Хмельницкого стлкнулся копытами со скалы три фигуры: поляка, католического священника и еврея. Такое видение художника в более полной форме отражало характер внутренней политики в отношении западных губерний. Говоря о символике, стоит добавить, что во время церемонии открытия памятника Хмельницкому трагически скончался от удара и падения с коня киевский генерал-губернатор Александр Дрентельн – один из главных мастеров внутренней политики в украинских губерниях.

Вышеупомянутые памятники, независимо от того, какие в себе заключали идеи и концепции выбора пути во внутренней политике: демонстрацию насилия или использование покорности, были объединены общим посланием – стремлением установить в Западном крае полную культурную, религиозную и политическую гегемонию Российской империи. В этом стремлении исторические традиции, культурные связи, социально-экономические интересы, политические

⁵³ W. Wakar, *Rozwój terytorialny narodowości polskiej*, cz. 3, *Statystyka narodowościowa kresów wschodnich*, Kielce 1917, s. 55.

устремления и национальные свободы коренных народов обычно игнорировались или даже открыто оспаривались.

REFERENCES

Sources:

Rossiysky gosudarstvenny istorichesky arkhiv:

- f. 821, op. 150, d. 89; op. 128, d. 162

- f. 908, op. 1, d. 296

- f. 1267, op. 1, d. 27

- f. 1282, op. 2, d. 388

Gosudarstvenny arkhiv Rossiyskoy Federatsii: f. 811, op. 1, d. 135.

Rossiysky gosudarstvenny voenno-istorichesky arkhiv: f. 1, op. 1, t. 9, d. 28810

Dziennik Praw Królestwa Polskiego, t. 67, Warszawa 1867, s. 7.

Полное собрание законов Российской империи, Собрание второе, т. 40, ч. 2, 1865, № 42759; т. 45, ч. 2, 1870, № 49991; *Собрание третье*, т. 12, 1892, № 8486

Извлечение из отношения к Министру Народного Просвещения Виленского Военного, Гродненского, Ковенского и Минского Генерал-Губернатора от 1-го Февраля 1863 года за № 146, [без места и года издания].

Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае. Вильна 1886.

Studies:

Auerhan J., *České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze*. Praha 1920.

Beauvois D., *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803-1832*, t. 1, Uniwersytet Wileński, t. 2, *Szkoły podstawowe i średnie*, Rzym – Lublin 1991.

Beauvois D., *Walka o ziemię. Szlachta polska na Ukrainie prawobrzeżnej pomiędzy caratem a ludem ukraińskim 1863-1914*, Sejny 1914.

D. Staliūnas, *Kalba ar konfesija? Sumanymas iversti rusų kalba vakarų krašto pridėtinėse katalikiškose pamaldose*, „Lietuvos istorijos metraštis“, Vilnius 2000.

Dubnow S. M., *Die neueste Geschichte des jüdischen Volkes*, t. 3, Berlin 1923.

Dubnow S., *History of the Jews in Russia and Poland*, trans. I. Friedlaender, vol 3, Philadelphia, 1920.

Jurkowski R., *Ziemiaństwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864–1904. Działalność społeczno-gospodarcza*, Warszawa 2001.

Kaczkowski J., *Konfiskaty na ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim po powstaniu roku 1831 i 1863*, Warszawa 1918.

Klier J. D., *Pobedonostsev, Konstantin (1827-1907)*, w: *Antisemitism: A Historical Encyclopedia of Prejudice and Persecution*, editor Richard S. Levy, t. 1, Santa Barbara 2005.

Martynow T. J., *O wprowadzeniu języka rosyjskiego do obrzędów religii katolickiej na Litwie i w Polsce zamierzonym przez rząd moskiewski*, (z franc. tłum. J. Bojarski), Lwów 1874.

Mościcki H., *Wysiedlenie szlachty na Litwie i Rusi przez rząd rosyjski*, „Wschód Polski” 1919, nr 1

Mościcki H., *Ziemie litewsko-ruskie pod zaborem rosyjskim*, Kraków 1924; P. Wandycz, *The Lands of Partitioned Poland. 1795-1918*, Seattle, London 1984.

Radwan M., *Carat wobec Kościoła grekokatolickiego w zaborze rosyjskim 1796-1839*, Lublin 2004.

Rodkiewicz W., *Russian Nationality Policy in Western Provinces of the Empire (1863-1905)*, Lublin 1998.

Römer M., *Litwa. Studium o odrodzeniu narodu litewskiego*, Lwów 1908.

Serczyk W.A., *Historia Ukrainy*, Wrocław 2001.

- Wakar W., *Rozwój terytorialny narodowości polskiej*, cz. 3, *Statystyka narodowościowa kresów wschodnich*, Kielce 1917.
- Weeks T.R., *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863-1914*, DeKalb 1996.
- Wiech S., *Depolonizacja Ziem Zabrzanych (1864-1914). Koncepcje – mechanizmy decyzyjne – realizacja*, t. 1, *Litwa i Białoruś. Od Murawjowa do Baranowa (1864-1868)*, Kielce 2017.
- Wiech S., *Depolonizacja Ziem Zabrzanych ...*, t. 3, *Litwa i Białoruś. Rządy Potapowa (1868-1874)*, Kielce 2021.
- Wiech S., *Królestwo i ziemie zabrane 1831-1855*, w: *Historie Polski w XIX wieku*, red. A. Nowak, t. 2, *Historie polityczne*, cz. 1, Warszawa 2013.
- Wiech S., *Polityka narodowościowa kijowskiego generała-gubernatora Aleksandra Drentelna w latach 80-tych XIX w.*, w: *Z dziejów ucisku narodowego w zaborze rosyjskim w latach 1861-1917*, t. 1, red. S. Wiech, Kielce 2019.
- Wiech S., *U źródeł drugiego Komitetu Zachodniego. Sprawa polska na Ziemach Zabrzanych w latach 1860-1862*, „*Studia z Dziejów Rosji u Europy Środkowo Wschodniej*” 2019, t. 54, z. 1
- Wodzianowska I., *Wytyczne Komisji do spraw duchowieństwa w sprawie zwalczania katolicyzmu w generał-gubernatorstwie wileńskim (1866-1868)*, w: *Kościół a państwo na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Źródła i stan badań*, red. M. Kietliński, K. Sychowicz, W. Śleszyński, Białystok 2005.
- Zasztowt L., *Kresy 1832-1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej*, Warszawa 1997.
- Aksakov I.S., *Pol'sky vopros i zapadno-russkoe delo. Evreysky vopros. 1860-1886*, I.S. Aksakov, Sochineniya, t. 3, Sankt-Peterburg 1900.
- Arkhypova T.G., *Komitet zapadnykh guberny. 1831-1848 gg. (K istorii politiki tsarizma v otnoshenii natsional'nykh okrain)*, „*Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta*” Moskva 1970, t. 28.
- Barmak M. N., *Nimets'ke, ches'ke ta yevreys'ke naseleennya Volinskoyi guberniyi (1796-1914 rr.)*, Ternopil' 1999.
- Bendin A. Yu., *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiyskoy imperii (1863-1914 gg.)*, Minsk 2010.
- Bernshteyn M.D., *Žurnal „Osnova” i ukrayins'ky literaturny protses kintsia 50-60-kh rokov XIX st.*, Kiyiv 1959.
- Velitsyn A.A., *Nemtsy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvoitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskiikh kolony na yuge i vostoke Rossii*, S-Peterburg 1893.
- Vekh S., *Konfessional'naya politika generalov-gubernatorov vilenskiikh v 1860-1870-kh godakh*, „*Wschodni Rocznik Humanistyczny*” t. XVII (2020), nr 4.
- Vekh S., Legets Ya., *Problema pereseleny krest'yan Tsarstva Pol'skogo v Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka*, w: *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvoitiya. Sbornik nauchnykh trudov*, ch. 1, Omsk 2012.
- Vladimirov A.P., *Istoriya raspolyacheniya zapadnorusskogo kostela*, Moskva 1896.
- Vuľpius R., *Yazykovaya politika v Rossiyskoy imperii i ukrainsky perevod Biblii (1860 – 1906)*, „*Ab Imperio*” 2005, № 2.
- Gorizontov L.E., *Paradoksy imperskoy politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)*, Moskva 1999.
- Dolbilov M., *Russky kray, chuzhaya vera: ètnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*, Moskva 2010.
- Dolbilov M.D., *Polonofobiya i politika rusifikatsii v Severo-Zapadnom krae imperii v 1860-e gg.*, *Obraz vraga*, sost. L. Gudkov, Moskva 2005,
- Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii*, red. M. Dolbilov, A. Miller, Moskva 2007.

- Katkov M.N., *Sobranie statey, po pol'skomu voprosu, pomeshchavshikhysya v Moskovskikh Vedomostyakh, Russkom Vestnike i Sovremennoy Letopisi*. 1863 god, vyp. 1, Moskva 1887.
- Komzolova A.A., *Politika samodержaviya v Severo-Zapadnom krae v èpokhu Velikikh reform*, Moskva 2005.
- Kostyuk M., *Nemetskie kolonii na Volyni, Ternopol'* 2003.
- Legets' Ya., *Politika general-gubernatora A.P. Bezaka v otnoshenii rimsko-katolicheskoy tserkvi v Yugo-Zapadnom krae (1865-1868)*, „Wschodni Rocznik Humanistyczny“ t. XVII (2020), nr 4.
- Lepesh O.V., *Deyatel'nost' vysshikh territorial'nykh komitetov gosudarstvennogo apparata Rossiyskoy imperii po upravleniyu territoriy Belarusi v XIX v., Belaruskie zemli v sostave Rossiyskogo gosudarstva (1772-1917)*, red. V.A. Bozhanov, Minsk 2013.
- Miller A., „Ukrainsky vopros“ v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vторая половина XIX v.), Sankt-Peterburg 2000.
- Milovidov A.I., *Tserkovno-stroitel'noe delo v Severo-Zapadnom krae pri gr. M.N. Muravyeve, Vil'na 1913*.
- Milovidov A. I., *Zaslugi grafa M.N. Muravyeva dlya pravoslavnoy tserkvi v Severo-Zapadnom krae, Khar'kov 1900*.
- Muravyev M.N., *Chetyre politicheskie zapiski o Severo-Zapadnom krae. 1830 g., 1831 g., 1864 g., 1865 g.* „Russky arkhiv“ 1885, № 6
- Nikotin I.A., *Stoletny period (1772-1872) russkogo zakonodatel'stva v vossoedinennykh ot Pol'shi guberniyakh i zakonodatel'stvo o evreyakh (1649-1876)*, Vil'na 1886.
- Rossiyskie nemtsy. Problemy istorii, yazyka i sovremennoy polozeniya*. Moskva 1996.
- Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vv, t. 5, Zakonodatel'stvo perioda rastsveta absolyutizma*, red. E.I. Indova. Moskva 1987.
- Sambuk S.M., *Politika tsarizma v Belorussii vo vtoroy polovine XIX v.*, Minsk 1980.
- Seredonin S.M., *Istorichesky obzor deyatel'nosti komiteta ministrov, t. 2, ch. 1*, Sankt-Peterburg 1902.
- Smolyanchuk A., *Popytki vvedeniya russkogo yazyka v katolicheskoe bogoslužhenie v Minskoy i Vilenskoy diotseziyakh. 60-70-e gg. XIX v.*, „Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis, Vilnius, 2005, t. 26
- Stalyunas D., *Identifikatsiya, yazyk i alfavit litovtsev v rossiykoy natsional'noy politike (1860-e gg.)*, „Ab Imperio“ 2005, № 2.
- Stalyunas D., *Rol' imperskoy vlasti v protsesse massovogo obrashcheniya katolikov v pravoslavie v 60-e gody XIX stoletiya*, „Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis“, Vilnius, 2005, t. 26.
- Tomsinov V.A., *Gramota na prava, vol'nosti i preimushchestva blagorodnogo rossiykogo dvoryanstva: ego istoki, sodержanie i znachenie, Zakonodatel'stvo imperatritsy Ekateriny II. 1783-1796 gody*, sost. V.A. Tomsinov, Moskva 2011
- Chikhaev D.N., *Vopros o razpolyachenii kostela v proshlom i nastoyashchem*, Sankt-Peterburg 1913.
- Shavel'sky G., *Poslednee vossoedinenie s pravoslavnoyu tserkov'yu uniatov Belorusskoy eparkhii (1833-1839 gg.)*, Sankt-Peterburg 1910.
- Èttinger Sh., *Istoriya evreyskogo naroda*, Ierusalim 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И.С., *Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860-1886*, И.С. Аксаков, Сочинения, т. 3, Санкт-Петербург 1900.
- Архипова Т.Г., *Комитет западных губерний. 1831-1848 гг. (К истории политики царизма в отношении национальных окраин)*, „Труды Московского государственного историко-архивного института“ Москва 1970, т. 28.
- Бармак М. Н., *Німецьке, чеське та єврейське населення Волинської губернії (1796-1914 рр.)*, Тернопіль 1999.

- Бендин А. Ю., *Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.)*, Минск 2010.
- Бернштейн М.Д., *Журнал „Основа” і український літературний процес кінця 50-60-х років XIX ст.*, Київ 1959.
- Велицън А.А., *Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России*, С-Петербург 1893.
- Вех С., *Конфессиональная политика генералов-губернаторов виленских в 1860–1870-х годах*, „*Wschodni Rocznik Humanistyczny*” t. XVII (2020), nr 4.
- Вех С., Легец Я., *Проблема переселений крестьян Царства Польского в Сибирь во второй половине XIX – начале XX века*, в: *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник научных трудов*, ч. 1, Омск 2012.
- Владимиров А.П., *История располычения западнорусского костела*, Москва 1896.
- Вульпиус Р., *Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии (1860–1906)*, „*Ab Imperio*” 2005, № 2.
- Горизонтов Л.Е., *Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.)*, Москва 1999.
- Долбиллов М., *Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, Москва 2010.
- Долбиллов М.Д., *Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг.*, *Образ врага*, сост. Л. Гудков, Москва 2005.
- Западные окраины Российской империи*, ред. М. Долбиллов, А. Миллер, Москва 2007.
- Катков М.Н., *Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. 1863 год*, вып. 1, Москва 1887.
- Комзолова А.А., *Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ*, Москва 2005.
- Костюк М., *Немецкие колонии на Вольны, Тернополь* 2003.
- Легец Я., *Политика генерал-губернатора А.П. Безака в отношении римско-католической церкви в Юго-Западном крае (1865–1868)*, „*Wschodni Rocznik Humanistyczny*” t. XVII (2020), nr 4.
- Лепеш О.В., *Деятельность высших территориальных комитетов государственного аппарата Российской империи по управлению территорией Беларуси в XIX в.*, *Беларуские земли в составе Российского государства (1772–1917)*, ред. В.А. Божанов, Минск 2013.
- Миллер А., *„Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)*, Санкт-Петербург 2000.
- Миловидов А.И., *Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М.Н. Муравьеве*, Вильна 1913.
- Миловидов А. И., *Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае*, Харьков 1900.
- Муравьев М.Н., *Четыре политические записки о Северо-Западном крае. 1830 г., 1831 г., 1864 г., 1865 г.* „*Русский архив*” 1885, № 6
- Никотин И.А., *Столетний период (1772–1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649–1876)*, Вильна 1886.
- Полное собрание законов российской империи. Собрание второе*, т. 6, *Отделение первое*, Санкт-Петербург 1831, № 4233, № 4369, № 4329
- Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения*. Москва 1996.
- Российское законодательство X–XX вв.*, т. 5, *Законодательство периода расцвета абсолютизма*, ред. Е.И. Индова. Москва 1987.
- Самбук С.М., *Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в.*, Минск 1980.
- Середонин С.М., *Исторический обзор деятельности комитета министров*, т. 2, ч. 1, Санкт-

Петербург 1902.

Смолянчук А., Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях. 60-70-е гг. XIX в., „Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis, Vilnius, 2005, t. 26.

Сталюнас Д., Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике (1860-е гг.), „Ab Imperio“ 2005, № 2.

Сталюнас Д., Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия, „Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis“, Vilnius, 2005, t. 26.

Томсинов В.А., Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства: её истоки, содержание и значение, Законодательство императрицы Екатерины II. 1783–1796 годы, сост. В.А. Томсинов, Москва 2011

Чихаев Д.Н., Вопрос о разполячении костела в прошлом и настоящем, Санкт-Петербург 1913.

Шавельский Г., Последнее воссоединение с православною церквью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.), Санкт-Петербург 1910.

Эттингер Ш., История еврейского народа, Иерусалим 2001.

